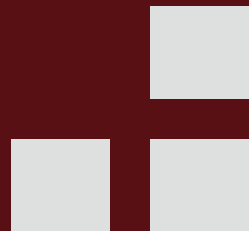


РОМА
НРУБ
АНОВ

убанов роман рубанов роман рубанов роман рубанов роман рубанов ром

соучастник • соучастник • соучастник • соучастник

Воймега



роман рубанов

соучастник

Москва
«Воймега»
2014

УДК 821.161.1-1 Рубанов
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Р82

Художник серии: Сергей Труханов

Р. Рубанов

Р82 Соучастник. — М.: Воймега, 2014. — 64 с.
(серия «приближение»)

Роман Рубанов родился в 1982 году в деревне Стрекалово Курской области. Окончил Рыльское педучилище и факультет теологии и религиоведения Курского госуниверситета. Публиковался в журналах «День и ночь», «Нева», «Новая Юность», «Урал», «Кольцо А», «Гвидеон», в «Литературной газете». Лауреат премии «Начало» имени Риммы Казаковой (2013). Живёт в Курске, заведует литчастью в Театре юного зрителя «Ровесник».

ISBN 978-5-7640-0166-1

Книга издана при поддержке Союза писателей Москвы.

© Р. Рубанов, текст, 2014
© С. Труханов, оформление, 2014
© «Воймега», 2014

Брат ваш и соучастник в скорби и в царствии...

Откр 1:9

ИЗ СЕЛЬСКОЙ
МЕСТНОСТИ

• • •

Провинция. Сирень и соловьи,
обшарпанные стены автостанции.
Здесь все друг друга знают, все свои,
встречают песней, провожают танцами.

Здесь с горя пьют, а в радости поют
и снова пьют и машут кулаками.
Здесь в каждом магазине в долг дают
под запись, до получки. Стариками

становятся здесь рано. Но другой
судьбы никто не хочет — все довольны.
Здесь все стоят в земле одной ногой,
и умирать поэтому не больно.

Здесь ходят в храм. Что небо ниспошлёт —
всё принимают. Чудо многолико.
Золою посыпают гололёд,
и транспорт ходит через день. Гляди-ка —

провинция. Сирень — и та поёт.
Сон чуток, ночь перетекает в чудо:
заутреню отслужат, и Господь
на Пасху куличи разносит людям.

• • •

Жизнь когда-нибудь сделает ручкой красиво.
Дождь пойдёт. Мужики у могилы станут.
Сельский поп отпоёт. Ему скажут: отец, спасибо.
Постоят. Помянут.

И когда моё тело в красивых шмотках
не найдёт себе место в холодной дрожи,
я увижу душу свою — чужая тётка,
а я думал, она на тебя похожа.

И она, уносясь стремительно, как ракета,
мне помашет третьей своей ступенью,
и всё то, что до этого было светом, —
станет тенью.

• • •

Медичка умерла от рака,
друг на сверхсрочке был убит...
Мой дед, и крёстный, и прабабка
сошли с земных своих орбит.

На кладбище — там полдеревни,
на памятниках имена,
а сверху жизнь: листва, деревья.
Земля и небо. Тишина.

И в этой тишине загробной,
прислушиваясь, не спеша,
обозревая мир подробно,
на свет рождается душа.

И тишину, как море, брассом
переплывая напрямик,
сосед вовсю счастливым басом
кричит: «Четыре сто! Мужик!»

• • •

Какой райцентр — аббревиатура.
Какой посёлок, что ты — п. г. т.
Гостиница, больница, дом культуры,
военкомат, ментовка и т. п.

На Флора с Лавром дискотека в центре,
престольный праздник всё же как-никак.
Детишки утром спят, старушки в церкви,
студенты оккупируют кабак.

Очарованье пьяной дискотеки,
работников культуры, что поют
про «вены-руки-вены-руки-реки»,
ларьков, в которых водку продают.

Продлить рассвет.
И, рваную рубашку
заправив, вспомнить, крепко зубы сжав,
летающий пепел, крайнюю затяжку
пред тем, как тронется маршрутка, завизжав.

• • •

Мои слова, завязанные в узел:
вопрос — ответ...
Я дверь прикрыл слегка и сразу сузил
вечерний свет...

Вечерний свет, разлитый по паркету,
собрать не смог.
Который год погибшую планету
вращает Бог.

И тихим светом, заплетённым в звенья,
в проём двери
Господь дарует нам Своё прощенье.
Нас изнутри

вседенно кто-то молча изучает,
ища ответ.
И детский ангел тихо излучает
вечерний свет.

• • •

Летит лист —
бывшая задача по геометрии,
глядит клёст —
бывшая птица, а ныне чучело,
звучит твист,
популярный в прошлом столетии,
поджал хвост
кобель в ожидании лучшего.

Закрыв дверь
хозяин в свою комнату,
забыл хворь
старик, бегущий за поездом.
Идёт зверь,
от него несёт копотью,
а он несёт хор
таких же зверей за поясом.

Трубит в рог
ангел из Откровения,
пророк жив,
но чувствует, что не вынесет,
и ждёт Бог
новое поколение,
из зёрен добрых которое скоро вырастет.

соучастник

1.

Последний выезд в этом уходящем.
Костюм и на резинке борода.
Я — Дед Мороз! Я — самый настоящий,
как никогда.

Меня ждёт дочь. И, как назло, соринка
попала в глаз и катится слеза.
Лежит в моём кармане мандаринка,
но есть нельзя.

Подарок. Дочь старалась, выбирала
из сотни мандаринов — самый тот.
«Деду Морозу передай, — сказала, —
на Новый год!»

Звоню. Играю сказочную правду —
всё басом: «Это Дедушка Мороз!»
Мне открывают. Дочка очень рада:
«Что мне принёс?»

«Подарок!..» Дочка машет на прощанье.
Махнув в ответ, уйти за дверь скорей.
Снять бороду и шубу на площадке,
самим собой остаться у дверей.

2.

Андрею Болдыреву

Полдня убил на магазины —
купил супруге сапоги,
«Советское» и мандарины.
Залез в сезонные долги.

Под праздник частник ёлки рубит,
на ёлках чтобы нарубить.
Мне проще — борода и шуба
и лёгкий текстик не забыть.

В декабрьском чёсе соучастник,
опять придётся поднажать:
мне предстоит чужое счастье
к осуществленью приближать.

И в день последний, покидая
квартиру сотую уже,
лифт по запарке вызывая,
на первом стоя этаже,

очнуться, как от яркой вспышки,
с досады дверь подъезда пнув,
стоять, курить на передышке,
покрепче шубу запахнув,

травить Снегурке анекдоты,
водилу в путь поторопить.
И после будничной работы
попасть домой и всё забыть.

Смахнув устало капли пота,
в дверях с подарками в руке
застыть.
Дочь спросит: — Пап, чего ты?
— Заело молнию в замке.

• • •

Январь укрылся шкурою овечьей.
Мороз под вечер выйдет из щелей.
Родители (отец мальчика на плечи
сажает) покидают двор яслей.

И тут же, возле этого детсада,
стоят и мёрзнут местные волхвы.
Напротив дом. Со стороны фасада
лес дремлет на верёвках бельевых.

Пустыню наметает южный ветер.
На остановке около ларька
стоит мужик. Лежит в его пакете
початая бутылка коньяка.

И сквозь пакет, как сквозь стекло витрины
(не распознать отставшего волхва),
с коньячной этикетки, с горловины
глядит звезда Звездою Рождества.

• • •

В наш съёмный быт под вечер входим мы.
Шагнём, и сразу сумерки к нам бросятся.
Зиме конец. И сколько той зимы?
Само собой молчание напросится.

Захлопнем дверь и тут же затаим
и мысли и слова — всё спрячем тщательно.
Вот так, почти безмолвно, постоим,
пока я трижды щёлкну выключателем.

Пойду фонарик в комнате искать,
на кухню с дочкой ты — поставить чаю, но
в дверь нашу осторожно постучат.
— Открой, — ты скажешь. И, задев нечаянно

меня, дочь пробежит и, сделав круг,
с соседом-стариком у двери встретится.
Он со свечой. Застынет дочка вдруг:
на Боженьку похож и так же светится.

Он улыбнётся, спросит про щиток.
Пожму плечами в полной неизвестности...
Над нами комнату снимает Бог,
он, как и мы с тобой, из сельской местности.

• • •

Я опять кудрявый мальчик, лет пяти,
на плечах отца касаюсь облака.
Чтобы было веселей идти,
я жую ржавеющее яблоко.

Ржавчина стекает по щеке,
миска неба надо мной покачивается,
яблоко, зажатое в руке,
как планета, медленно заканчивается.

• • •

Детство моё маринованным яблоком
падает, падает, падает...
Кто-то по луже в бумажном кораблике
плавает...

Плитка молочного шоколада —
вот и ломается кромка:
всем по квадратику — больше не надо...
Правда, «Алёнка»?

Правда, что всё неизбежно кончается?
Сказано так у прозаика.
— Складывай. Видишь, уже получается
жизни мозаика.

• • •

Сохрани мою старую синюю школьную форму.
Я её, конечно, теперь уже не надену...
Детство моё подаёт поезд к четвёртой платформе,
проводник поправляет фуражку, как диадему.

Раздаётся чужой голос: «Займите места в вагонах!»
О стекло сплющив нос, прислонившись щекой к окошку,
на меня смотрит мальчик. Но уже человек в погонах
отдаёт команду: «Едем!» И достаёт гармошку

крокодил в шляпе, с трубкой, сидящий на крыше вагона,
и поёт, как минуты медленно уплывают,
и в вагонном скрипе, с корнем оторванном от перрона,
звуки песни на слёзы всё-таки пробивают.

Мы стоим, разевая рты, пытаюсь подпеть, и плачем.
Из окон вагона нам рожицы строят дети.
Мы в их жизни, увы, пока ещё ничего не значим.
А они в нашей... Только надо дать улететь им.

• • •

Каникулы. И мы идём опять
деревней сонной. Кнут свистит над ухом.
Отец кричит. Даёт понять старухам:
давно пора скотину выгонять.

На пастбище. Сегодня наш черёд
пасти коров. Июль такой звенящий.
Два пастуха. Один ненастоящий.
Ненастоящий — я. Отец идёт,

а я плетусь. А мне б ещё поспать.
В кармане хлеб, в руках рюкзак и палка.
Меня будить, конечно, было жалко,
но мой отец не любит уступать.

И я иду. Я знаю, что в обед
меня отпустят. Сердце часто бьётся,
мычат коровы, и отец смеётся,
а мне четырнадцать или пятнадцать лет.

• • •

На лавочку присядешь. Огоньком,
как ножичком по пальцу, — чирк. Прикуришь.
Затянешься и левый глаз прищуришь.
А в воздухе запахнет молоком,
когда ведро мать мимо пронесёт.
И хлопнет дверь, и облизнутся петли.
Так хорошо сейчас... И вдруг — не спеть ли —
подумаешь и не споешь. И всё
затихнет. Город станет пропадать.
Душа расправит крылья в тесной клетке.
И ощутишь любовь, которой дети —
одни лишь дети — могут обладать.

• • •

Заросли смородины: чёрная и красная,
кислая и сладкая вся наверняка.
Обрываю ягоды. Западает гласная,
и мелькает в зарослях в крапинку щека.
Бродит в палисаднике утро беспризорное,
смотришь, очарованный танцем стрекозы.
Заросли смородины: красная и чёрная,
кислая и сладкая — радости азы.
Ягоды созревшие, круглые и гладкие,
тают вмиг за розовой липкою щекой.
Чёрная и красная, кислая и сладкая,
по карманам смятые детской рукой.
Мама крикнет: «Где ты там?» Западает гласная,
и бежишь по зарослям голову сломя.
Детство цвета Родины: чёрное и красное,
кислое и сладкое в сердце у меня.

ДНЕВНИК КОМАНДИРОВОЧНОГО

7:30

Тонким лезвием свет прорезает дверь
и ложится на пол рубцом. Лежит
ежедневник на тумбочке. Ты проверь,
что сегодня? — Среда. — Видишь, как бежит
время быстро. Проснёшься — и вновь среда,
и как будто бы нет больше дней других,
как будто не будет уже никогда.
Слышишь шёпот будильника? — Нет. — Притих,
затаился. В окошко скулит сквозняк,
пахнет осенью стриженный календарь.
Это чисел безликих идёт возня.
Зазвонил будильник. Ударь, ударь
по нему, потому что совсем невмочь
открывать глаза. Но уже пора
просыпаться, стряхивать с тела ночь,
просыпаться, ты слышишь, как и вчера,

7:40

просыпаться и с чайником в города
начинать игру, пока не вскипит:
— Краков. — Вологда. — Значит, тебе на «А».
— Адлер. — Рыльск. — Калачинск. — Калуга...
Спит,

7:45

кто-то спит, и к кому-то приходят сны,
а у нас это вечное: «Всё, вставай!»
Наши тени разбросаны вдоль стены.
Умывайся, тень свою надевай,
надевай свою тень, не забудь пришить
пару пуговиц, я вчера оборвал,
потому что с тебя эту тень стащить
в темноте непросто. Прокуковал
день кукушкой в часах, да и то добро!
Всё поделено в мире на свет и тьму.
Ты вчера обронила своё перо.
Не спускайся — сам его подниму.

8:00 — полёт

Полетели, ведь людям пора встать.
Впереди горизонта белеет губа.
В теле всё-таки хлопотно ночевать,
а куда деваться — судьба...

ж/д

Я во вторник вернусь. Все счета оплачу:
воду, свет и тепло в батареях.
Что тебе привезти? Да всего по чуть-чуть...
лучше сам возвращайся скорее.

Скоро связь пропадёт. Поползут провода,
поплетутся столбы, спотыкаясь.
С потемневшего неба сорвётся звезда
и к земле полетит, ускоряясь.

Монотонная пляска вагонных костей
завершится воинственным храпом.
И уронит на столик сканворд грамотей
с верхней полки, пройдя все этапы.

Повернётся во сне человек, а над ним
в белой лампочке свет прорастает.
Проводник поправляет фуражку, как нимб,
и в прокуренном тамбуре тает.

• • •

Игорю Белову

Проснуться утром и язык забыть
родной на время, ощутив потребность
на чьём-то неземном заговорить,
как птица, верба, местная окрестность,

и чтоб Господь, услышав, отворил
врата небес и вывел свет из мрака,
чтоб ангел, тот, что в вышине парил,
склонился над Варшавой и заплакал.

• • •

Володе Иванову

Ни песен блатных, ни сумы, ни тюрьмы,
а только плацкартный билет
от Курска до, как её там, Костромы.
А ты говоришь, нет маршрутов прямых,
прямых, к сожалению, нет.

Не ходят от нас в Кострому поезда,
все через Москву — только так.
Садимся в плацкарт, а в вагоне беда —
нет сахара. В чае мелькает звезда
идущему поезду в такт.

Скажи, если прошлое перечеркнуть,
сменить города и дома,
возможно слепую судьбу обмануть,
не слиться с пейзажем, из круга шагнуть?
— За кругом-то что?
— Кострома.

СКАЗКА НА НОЧЬ

Вот тебе сказка: снег целый день идёт,
небо гуашью серой закрасил Врубель,
в замке старинном принца принцесса ждёт,
дни караваном цифр идут на убыль.

Вязнет в сугробах конь. Посреди степи
принц разведёт костёр, круг очертит мелом
и на снегу уснёт. И ты тоже спи
под завыванье полночи чёрно-белой.

Ночью обступит принца дремучий лес,
злобно завоюют ели, залают клёны...
Сказка — такая штука, нельзя в ней без
всяких препятствий. А на рассвете клоны

принца выглянут из ледяных зеркал,
бросятся собирать голубые лица.
«Долго я спал?» — Я долго... я спал... спал... —
эхо подхватит в небе ночная птица.

Долго ты спал, а теперь торопи коня,
замок вот-вот растает за кромкой леса.
Короток зимний день. Вот и нету дня,
и поминай как звали твою принцессу...

Вот тебе сказка: время преодолев,
трудности разорвав, принц найдёт принцессу.
Только беда не дремлет и аки лев
рыкает в темноте за дремучим лесом...

Как эту сказку закончить? Куда ступить?
Как изловить исчезающую жар-птицу?
Спи, моя радость... спи, моё солнце... спи,
и пусть тебе счастливый финал приснится.

Гофман

1. ночные этюды

Из темноты, где полночь рыжая урчит,
небритый Гофман, словно гвоздь кривой, торчит
и тени собственной пугается в ночи,
смычком взволнованно по дереву стучит.
«ТЬфу-тьфу», — плюёт он через левое плечо,
и догорает оплывающей свечой,
и что-то пилит, и из собственной души
плетёт верёвочку, чтоб страхи задушить.

2. песочный человек

Плетёт верёвочку, холодную, как снег...
Но пробирается песочный человек
в кошмары ночи, в бессознательный проём
спинного мозга, наполняя водоём
холодных глаз комками ржавого песка,
и кровь горячая колотится в висках,
и бледный Гофман пилит лобзиком сустав,
и прорастает скрипка, плача, сквозь рукав.

3. кавалер Глюк

И прорастает скрипка, вечная, как мрак,
как крона дерева, как всхлипы ветра, как
ночной кошмар, в котором с комьями песка
в один зелёный ком смешается тоска

и всё в душе сожжёт огнём своим дотла.
Луна вращается по небу, как юла,
а там, в ночных провалах — впадинах луны
кричат горластые некормленные сны...

4. угловое окно

...и клювы острые вонзают в небосвод.
Небритый Гофман прорастает и растёт,
пытаясь мысленно проникнуть в ворожбу...
Не обмануть, увы, безглазую судьбу.
До подбородка добегаёт липкий страх,
и понимает Гофман: тело — это прах,
всё прах, одну лишь только музыку души
не в состоянье сумрак ночи заглушить.

5. Щелкунчик и Мышиный король

Всё прах. Все эти наши мысли и слова —
всё обрывается. Пока душа жива,
пока болезнь не отравила спиртом мозг,
он строит хрупкий, но реальный мост,
он смотрит ввысь — там по велению Рождества
уродец кукольный под маской волшебства
любви достоин, обретая кровь и плоть...
А душу Гофмана тем временем Господь
за нити тонкие возносит в небеса,
туда, где Сам распределяет чудеса.

• • •

В какой-нибудь невзрачный вечер,
в весенний вечер за стеклом
увидю облик человечий,
вдали мне машущий крылом.

То ангел молодой, рублёвский
с цветком раскрывшимся в руке.
Он озарит собой неброский,
невзрачный вечер мой в реке.

Вода качнётся. Сом проснётся.
Совьют гнездо щегол ли, дрозд.
И месяц молодой прогнётся
под тяжестью студёных звёзд.

Капель утихнет. Гром не грянет.
И, прежде чем его норд-вест
подхватит, — обернётся, глянет
и принесёт благую весть.

Андрей Рублёв

Рассвет войдёт по пояс в реку.
На корточках на бережке
сидит мальчонка. В лодке грека
плывёт по Яузе-реке.

Мальчонка по-рыбацки просто
на пшёнку жжёную плюёт
и ждёт улова. Как апостол.
И кто-то спросит: «Не клюёт?»

Да, не клюёт, но стоит ряску
пошевелить, и на воде
мгновенно заиграют краски
везде.

И в этот миг над ним не волен
никто. Над головой плывёт
свет с отдалённых колоколен,
как мёд из раскалённых сот.

И облака, как будто фрески
владимирские, так легки,
пойдут над пашнями, над лесом,
над сонным зеркалом реки,

и берег Яузы отчалит,
земного под ногами нет,
и Троицей Живоначальной
повсюду отзовётся Свет.

• • •

Оле

Босиком по камешкам, вдоль луга
мы с тобой спускаемся к реке,
держим крепко за руки друг друга,
словно те черешни, что в кульке
веточками связаны потешно,
глянь, совсем как мы, щека к щеке
прислонились ягодки. Неспешно
мы с тобой спускаемся к реке.
Мы с тобой, и никого в округе.
Летний полдень. Камешки. Река.
И черешня липкая. И руки
всё не разнимаются никак.

• • •

Петухи на палочках. Деревня.
Праздник на дворе — Борис и Глеб.
Вечер пахнет яблочным вареньем,
вкусно, хоть намазывай на хлеб.

Звёзды пропадают и мигают,
снова появляются в реке,
будто бы Господь передвигает
их, как шашки по большой доске.

Мы наедине бываем редко.
Поцелуй блуждает вдоль щеки.
А над нами сад. В саду на ветках
яблок спелых полные мешки.

Выпала роса, и пахнет летом.
— Я устала, — скажешь, — понеси.
И рассвет за нами будет следом
звёзды, будто лампочки, гасить.

ЛОСКУТНЫЙ АНГЕЛ

Н.

Не называй свои печали
по именам. Забудь. Сотри.
Шагала вспомни, как летали
в ночи влюблённые. Смотри —
лоскутный ангел в небе звенья
цепочки звёздной разорвал
и опустился на мгновенье.
А я... тебя поцеловал.
Запомним вот такое счастье,
немного странное на вкус...
Картины вижу только часть я:
густой сирени влажный куст,
Никитской церкви колокольню
и птичьих гнёзд негромкий свет.
И ангел. Как ему не больно
царапать крылья о рассвет,
а он глядит на нас, смеётся,
как будто бы вот-вот, сейчас
без нас другая жизнь начнётся
или закончится без нас.

сирень

Он был вестником иных миров.

А. Блок

Сирени ветка. Это пахнет дождь.
Так пахнет дождь, предательством, тобою,
так пахнет время смертью и любовью,
так пахнешь ты, когда ко мне придёшь.

Когда так ярко в сумерках горит
сирень, и ничего не происходит,
и жизнь по капле, медленно проходит
и ни о чём с тобой не говорит.

Слышны шаги, шаги и голоса,
и дверь скрипит, и бледный луч играет
на потолке, и ржавый ключ от рая,
забытый кем-то в кухне. Небеса

разверзнутся, и мелкий дождь пойдёт,
душа от сна в испарине проснётся,
и сердце, как припадочный, забудётся
и с грохотом на землю упадёт.

И не найдут тебя уже нигде,
а все слова, растроченные всеу,
он и оттуда тушью нарисует,
но расплывутся буквы на воде.

И всё пройдёт. И это пробежит.
Быть вестником иных миров непросто.
Печаль и радость в песне Алконоста
сплетаются. И как нам с этим жить...

• • •

Ю. Сысоеву

Сысоев канцтовары распродал,
ИП прикрыл — невыгодное дело.
Я у него когда-то пропадал,
и в Доме быта жизнь тогда кипела.

...Октябрь. Как листву ни собирай
и как ни жги — она ещё нападает.
А знаешь, если есть на свете рай,
то он — в райцентре. Что для счастья надо ведь.

Здесь для души нехоженный простор.
И ни конца у осени, ни края.
За Домом быта Юра жжёт костёр,
в кармане у него — ключи от рая.

А в «Канцтоварах» (крайний кабинет —
второй этаж того же Дома быта)
тридцатого по случаю банкет,
и там уже нарезано-разлито.

Взбегаешь. Календарик отрывной
болтается на стенке. Курит старый.
И тут же кто-то: «Получи штрафной!»
И награждают рюмкой и гитарой.

И ты поёшь и пьёшь... И все поют,
и курят, и за плечи обнимают.
И тут же — разговорчики в раю,
— Я пропущу.
— У нас не пропускают.

И, покидая рай до петухов,
пусть не Петру (тут беспокоить что его?),
предъявишь ксерокопию грехов
стоящему у врат ИП Сысоеву.

• • •

Печаль будет длиться вечно.

Ван Гог

Печаль. Психушка. Сонный санитар.
Палата буйных. Долгая дорога.
И после бурной жизни — перегар
стоит во рту у бывшего Ван Гогом.

Но кто-нибудь из психов... да любой
в конвульсиях забудётся на постели:
— Брабантским проповедникам слабо
достать себе билет в конец тоннеля?

Придурок прав и, стало быть, не прав,
не на того напали. Впрочем, ладно.
Но птица смерти сядет на рукав
и подтолкнёт. А большего не надо.

И на правах хозяина души,
больной и рыжий, брошенный и грешный,
случайным выстрелом судьбу решит
телесной и заброшенной скворешни.

• • •

Вадиму Месяцу

На кудыкину гору пошёл мужик.
За каким таким его пёс понёс?
Над горой кудыкиной снег кружит.
Заметает следы. Все следы занёс.

Оглянулся мужик — а следов-то нет.
А гора кудыкина высока...
А в избе его баба не гасит свет,
ждёт с горы кудыкиной мужика.

А мужик присел, закурил одну,
да и в пачке осталась всего одна.
Под горой река, а в реке по дну
подо льдом идёт пароход без дна.

Пароход идёт, пар стоит столбом.
Вырастает столб изо льда, как прут.
А мужик сидит. Темнота кругом.
И мороз сердит. И ботинки жмут.

И дороги нет. И башка седа.
И в душе туман, гололёд и хмысь...
— Ах ты, Господи, Господи, вот беда,
мне дороги теперь не найти ни в жисть...

Его баба в избе погасила свет.
Его дети спят. Борщ в печи кипит.
А мужик на горе ждёт-пождёт ответ
и почти замерзает, поскольку спит.

И во сне мужику говорит Христос:
— Коли на гору эту пришёл, тогда
скит поставишь здесь. До седых волос
будешь жить. Будет вера твоя тверда.

И молитвою будешь людей спасать...
И исчез Христос, и ушла гора.
Сын толкает его: — Батя, хватит спать.
На кудыкину гору тебе пора.

РОСПИСЬ

Поднимут человека на лесах.
Теперь ему держать руками небо.
На северном и южном полюсах
хор херувимский не смолкает, ибо

когда умолкнут эти голоса
и прекратится музыка живая,
возможно ль будет небо дописать,
в шершавую доску спиной вжимаясь?

Все мышцы наливаются свинцом...
Но грянет хор мурашками по коже.
К апостолам и ангелам лицом
лежишь и тихо шепчешь: «Святый Боже...»

И дальше кисть работает сама —
рука её послушно разжимает.
И входит поп и говорит: «Зима-а-а...»
И, снег смахнув с плеча, пальто снимает.

рыба, хлеб и вино

Он седую головой качает,
Он возводит очи к небесам
И пред всеми громко обличает
Алчного правителя. А сам

Уж и в мыслях далеко отсюда,
В новый край спешит за океан...
Там, где уповают лишь на чудо, —
Чудо происходит. По словам

Сказанным от сердца и по вере
Всё случится. Всё произойдёт.
Ибо Бог не запирает двери,
Ибо Мирский Чудотворец ждёт.

И в тот самый миг, когда надежды
Оборвётся тоненькая нить,
Вдруг мелькнут в толпе его одежды,
Чтоб неправый суд остановить.

возвращение блудного сына

Вот некое пространство — день ли? Ночь?
Уже не спят. Или не спят ещё?
Сын головой, остриженной под ноль,
К груди отца прижался горячо.

Они стоят. Сквозь них проходит свет,
Найдя в обивке мрака узкий лаз.
И более здесь светлых пятен нет.
Из темноты выхватывает глаз

Фигуру женскую. Она, возможно, мать.
И ей не видно сына за спиной
Стоящего отца. Но нарушать
Она покой не станет. Ей одной

Пока всё ясно. Слуги ждут сигнал,
Хотя уже давно всё решено.
Отец простил и обнял. И в подвал
Спускается кухарка за вином.

Послушный брат всё понял. Он молчит.
И все вокруг стоящие молчат.
Для Господа нет брошенных в ночи.
Всех брошенных поднимут и простят.

Сейчас порвётся тишина и гам
Веселья дом наполнит. А над ним
Подносит ангел музыку к губам,
Но он во тьме пока неразличим.

ЧУДО

1. Рождество

В провинциальном городе зима.
И полбеда, коль бродишь целый день сам,
А то с женой, вещами и младенцем,
И заперты гостинные дома.

Но вместе с ищущим не дремлет Бог,
Он не сидит в тепле, Он тоже ищет.
Дом пастухов — роскошное жилище.
Осталось лишь переступить порог,

А за порогом — целые миры,
Но и от них, как в сон, впадаешь в бегство...
Однако время замедляет бег свой,
Покуда не принесены дары...

Ну а пока... пока все крепко спят.
И лишь Мария вздрогнет вдруг в тревоге,
Её от сна не крик разбудит, взгляд
Такой родной — Звезды Христа и Бога.

2. Чудо

Когда же вошёл Иисус в Капернаум,
Много людей шло за Ним, и не шло на ум
Никому из людей то, что рядом идёт Господь,
Ибо многих вводила в сомненья Христова плоть,

Ибо думали, что Господь бестелесен, незрим
И легионы ангелов в славе идут за Ним,
Ибо вера людей бывает порой слаба,
Ибо каждый в теле своём носил раба,

Ибо каждому раб говорил: «Ну смирись со мной,
Что тебе до Него? Развернись и иди домой,
Не бывает чудес, чудеса — они в решете,
Вон он, сотник, идёт, и печаль в его животе,

Неужель Он сможет помочь, коли мёртв слуга,
Не поднимет слугу ни рука Его, ни нога,
Смерть — она бестелесна, её Ему не поймать...»
Каждый раб норовил в человеке по-своему стать

На ребро, как монета, но что Ему до монет,
У Него слово коротко: «да, да» или «нет, нет».
А печальный сотник уже глаза опустил
Со словами: «Боже мой, дай мне сил,

Слуга мой лежит в расслаблении, жестоко страдает,
Господи, моё сердце скорбит, сердце рыдает.
Господи! Помоги, ибо люблю его...»
Христос в ответ: «Я приду и исцелю его!»

Сотник же, отвечая Христу, так сказал:
«Господи, я недостоин поднять глаза
На Тебя, недостоин, чтоб Ты ступил под мой кров.
Есть достойнее, Господи. Боже, кто я таков?!

Скажи только слово, ибо речь Твоя дорога,
И исцелится тот час же, Господи, мой слуга,
Ибо я подвластный, Господи, человек,
Но, имея в своём подчинении воинов, рек

Одному: *abiens, abi!*¹ — и он идёт;
Другому: *приди, quam primum*² — и он придёт,
И слуге моему: *сделай то мне!* — и он всегда
Делал с радостью мне, отвечая одно лишь: *да!*».

Услышав сие, Иисус сказал тем, кто с Ним шёл:
«Истинно говорю вам, веры такой не нашёл
Я даже и в Израиле, а посему
Да будет дано по его вере ему!»

И сказал сотнику: «Иди под свой кров,
Ныне же будет слуга твой здоров!»

А рабы, те, что в теле людском обрели свой дом,
Говорили: «Опомнитесь, ибо потом, потом
Время выйдет, когда понесут кресты,
На Его месте окажешься ты или ты.

Расходитесь. Кому нужен лишний крест...»
И шумела смоковница близ этих самых мест
И предчувствовала, что, когда будет сушь кружить,
Ей придётся Ему ещё послужить.

3. Первые апостолы

Христос подошёл к рыбакам и спросил:
— Где ловятся этакие караси?
В Галилейском море сегодня погоды нет,
Вся рыба, как камни, лежит на холодном дне.

¹ Уходя, уходи! (*лат.*).

² Как можно раньше (*лат.*).

Итак, небогат, вижу Я, ваш улов. —
Они собирали сети, молча, без слов,
И обида слезой блестела у них в глазах —
Нерыбный день выпал. Христос рыбакам сказал:

— Закиньте сеть, от берега чуть отплыв,
И рыбу в сеть загонит морской прилив!
Хотя что рыба? Со дна следит за пловцами.
Идите за Мной, Я сделаю вас ловцами

Человеков. Бросьте лодку и сети...
А рыбаки: — Есть чудеса на свете,
Но чтобы вот так: «Закиньте невод поглубже...» —
Вытягиваем, и, как говорится, тут же

Полная сеть рыб, рвущаяся по швам.
Кто ты таков, ответь, что Твоим словам
Внимает море и всё, что в его глубине?
И сказал Христос: — Сомневаешься, Пётр, во Мне?

Оставьте снасти, — Он подозвал рыбака, —
Идите за Мною, братья Пётр и Андрей! —
Дивились Андрей и Пётр: что же будет потом?!
Оставили лодку, сеть и пошли за Христом.

Начало положено. В город Иерусалим
Двенадцать апостолов позже войдут за Нем.
...Они ушли. А море сорвало челны
С насиженных мест и рычало: «Распни, распни!»

И волны как гвозди вбивали камни в борта,
Ложась у берега пеной, как пеной у рта.
И чайки кричали на солнце, что стало в зенит:
«Элои! Элои! Ламма савахфани?»

4. Притча

— Вот вышел сеятель сеять
Зерно.
И когда стал сеятель сеять,
Оно
Упало в пыль при дороге,
И вот
Слетелись птицы к дороге
И поклевали его;

Иное упало на камни,
Где немного земли,
Почва была неглубока, и
Росты взошли,
Когда же вместе с ростами
Солнце взошло,
Оно своими лучами
Росты пожгло,
Ибо корня не было у роста —
Эта часть притчи проста;

Иное упало в терние,
И выросло терние,
Так как заглушает терние
Любое растение,
Не миновала злая участь зерна сего:
Терние заглушило его!

Иное упало на землю добрую
И принесло плод,
Которое в тридцать крат, а которое
И в пятьсот.

Кто имеет уши слышать,
Да слышит.

*А ученики ещё не способны
Притчу сердцем воспринимать,
И они просят подробно
Учителя притчу им растолковать.*

— Сеятель сеет слово
В сердца.
Как всем известно, слово
О двух концах,

И вот слово в сердце
Зреет,
Но это слово сердце
Не понимает,
И тогда приходит лукавый,
Стращает,
Впивается в сердце клыками
И похищает
Слово из сердца. Так бывает у многих.
Это к той части, где посеянное при дороге.

А вот слово покорно
И с видимой кротостью принято,
Но не имеет корня
Сердце, и слово отринуто
Сердцем. Настанет скорбь,
И к слову протянет десницу
Гонение, словно корь,
И сердце тотчас соблазнится.

Эта часть притчи довольно проста:
Это о том, где посеянное на каменистых местах.

А вот слово вроде замечено,
Но заботами века
И обольщением искалечено
Сердце у человека:
В сердце лежит пустота,
Зависть, корысть — что угодно...
Да, и в таких местах
Слово бывает бесплодно.

Это к той части притчи, где терние
Заглушило невыросшее растение.

А вот слово услышано, понято, неспроста
Оно передаётся из уст в уста,
Это слово живёт в сердце и сердцу приносит плод
В тридцать крат, шестьдесят, иное в пятьсот.

Кто имеет уши слышать,
Да слышит.

5. Отречение Петра

Пётр же следовал за Ним издали,
до двора первосвященникова; и,
войдя внутрь, сел со служителями,
чтобы видеть конец.

Мф, 26:58

Пётр же вне храма сидел, на дворе.
Служанка к нему подошла и сказала:
«Постой, с тем, чьё имя Иисус Назорей,
И ты был», — и тем, кто с ней шёл, указала

На Петра. Но он отрёкся пред всеми,
Сказав ей: «Не знаю, что ты говоришь,
Что мне до рождённого в Вифлееме?» —
И подсел к огню. Над серостью крыш

Поднимался медленно, как старик,
Луч рассвета оборванного,
И раздался истошный крик
Петуха подзаборного.

Первый!

Когда же Пётр приближался к воротам,
Сказали ему стоявшие там:
«А не из учеников ли Его ты?
Постой, друг, не ты ли апостол Христа?»

Но опять он отрёкся с клятвою,
Сказав, что не знает Сего Человека.
И пошёл предрассветной слякотью
Вон из города. Придорожный калека

Сказал Петру: «Точно, и ты из них,
Ибо речь твоя тебя обличает!
Вот ведь как в притче: се грядет Жених!
Где девы те, друг, что Его встречают?»

Говори!» И тут же залаял пёс.
Тогда начал Пётр божиться и клясться,
Что не знает он... И взглянул Христос
На Петра. А луч за небо цеплялся,

И над крышами брызнул рассветный дух,
И заёрзало солнце на белой стене,

И запел горластый красный петух
И заплясал на гумне.

Второй!

И вот Пётр вспомнил слово Господне:
«Прежде нежели дважды споёт петух,
От Меня отречёшься сегодня
Трижды». И заплакал Пётр горько, и глух

Становился плач, и голос хрипел,
И камни грызли зубами сандалии,
И над ним петух песнь победную пел
И улыбку иудину скалил.

6. Апостол Фома

Фома в ожиданье застыл у двери.
«Фома, отвори», — слышит.
«Сам отвори».
Промолвил — и дверь отворилась сама,
И входит Христос, и немеет Фома,

Немееет Фома, только знает одно:
Нести надо рыбу, и хлеб, и вино.
Подносит вино, а в сосуде — вода...
И слышит: «Фома, подай перст твой сюда».

И в страхе Фома проливает питьё.
«Фома, погляди, видишь тело Моё,
В нём раны и боли. Фома, это плоть...»
Не верит Фома в то что, гость — сам Господь...

«Смотри, Мои руки и рёбра Мои...
Дай есть Мне, водою Меня напои.

Возможно ли призраку пищу вкушать?
Не верит Фома, но немеет опять
И, в страхе вложив в Его раны персты,
В слезах восклицает: «О Господи! Ты?!»

«Отныне же верь, а неверия гнёт
С тебя, словно камень могильный, спадёт».
«Ей, Господи, с сердца слетела броня».
«Фома, ты уверовал, видя Меня,
А те, кто не видя, но зная о Мне
Уверовали, — те блаженны вдвойне.
А ныне иду Я в другие дома...»

...Раскрытая дверь. На пороге Фома.
И небо, вобрав недосказанность слов,
Над ним расстилает нетканый покров.

7. Третье явление

Симон Пётр говорит:
«Иду рыбу ловить.
Фома, ты со мною?»
Фома говорит:
«С тобою я, брате, но ночь на дворе.
Отправимся лучше на ранней заре».
Но Симон к воде тащит чёлн, а в челне
Уже приготовлены снасти на дне.

Симон Пётр говорит:

«Как закат догорит,
Наловим мы рыбы...»

Фома говорит:

«Нет, брате, бьёт ветер, вернёмся назад,
Улов наш под ветром не будет богат!»
Заброшена в море рыбацкая сеть.
Улова не будет. Лишь ветер, как плеть,
Их хлещет, и плещет под ними волна,
И небо над ними, и в небе луна.

Фома говорит:

«Надевает наряд
Заря. Слышишь, рыбы в воде говорят?
И кто-то на том берегу у костра
Нам машет рукою».
«Уйми, брате, страх...»

Но с берега глас:

«Дайте есть Мне и пить».
А Симон: «Пуста наша лодка. Как быть?»
«Закиньте по правую сторону сеть,
И в сеть заплывут априона и сельдь,
И трапезу справим...»
И свет неземной
Из тьмы поднимался над пенной волной.

Любимый тогда ученик говорит:

«Брат Симон, ведь это Господь, посмотри».

И Симон бросается в воду с челна,
И к берегу Симона тянет волна.
И вот, доставая ногами земли,
На берег выходит, где тлеют угли...

И ели, и пили, не смея спросить:
Кто Ты? Ибо знали, что с ними Спаситель.

8. Вознесение

Они прошли неблизкий путь, но рядом с Ним
Готовы вновь и вновь идти без сна и пищи.
И каждый знал, что будет за Него гоним,
И каждый помнил, что блажен лишь духом нищий.

Они прошли, и скрылся Иерусалим.
Взошли на гору Елеон, где разветвлялся
Масличный куст. И был Господь тем ближе к ним,
Чем дальше от земли Он отдалялся.

Он их благословил и стал незрим.
Они, в заоблачные глядяваясь дали,
Уже стояли без Него, но рядом с Ним,
И их сердца единой верою пылали.

Когда же ангельский раздался с неба глас,
Им Вознесенья смысл стал открываться.
«Что смотрите?» — «Христос ушёл от нас».
«Ушёл. Дабы вовек не разлучаться».

содержание

из сельской местности

«Провинция. Сирень и соловьи...»	7
«Жизнь когда-нибудь сделает ручкой красиво...»	8
«Медичка умерла от рака...»	9
«Какой райцентр — аббревиатура...»	10
«Мои слова, завязанные в узел...»	11
«Летит лист...»	12
Соучастник	13
«Январь укрылся шкурою овечьей...»	16
«В наш съёмный быт под вечер входим мы...»	17
«Я опять кудрявый мальчик, лет пяти...»	18
«Детство моё маринованным яблоком...»	19
«Сохрани мою старую синюю школьную форму...»	20
«Каникулы. И мы идём опять...»	21
«На лавочку присядешь. Огоньком...»	22
«Заросли смородины: чёрная и красная...»	23
Дневник командировочного	24
ж/д	26
«Проснуться утром и язык забыть...»	27
«Ни песен блатных, ни сумы, ни тюрьмы...»	28
Сказка на ночь	29
Гофман	31
«В какой-нибудь невзрачный вечер...»	33
Андрей Рублёв	34
«Босиком по камешкам, вдоль луга...»	35
«Петухи на палочках. Деревня...»	36
Лоскутный ангел	37

Сирень	38
«Сысоев канцтовары распродал...»	39
«Печаль. Психушка. Сонный санитар...»	41
«На кудыкину гору пошёл мужик...»	42
Роспись	44

рыба, хлеб и вино

Николай Мирликийский	47
Возвращение блудного сына	49
Чудо	
1. Рождество	50
2. Чудо	50
3. Первые апостолы	52
4. Притча	54
5. Отречение Петра	56
6. Апостол Фома	58
7. Третье явление	59
8. Вознесение	61

Роман Рубанов. Соучастник

редактор:

А. Переверзин

художник:

С. Труханов

корректор, технический редактор:

О. Тузова

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Отпечатано в типографии издательства «Пробел—2000»
тел.: (495) 287-0619, e-mail: probel-2000@mail.ru

Подписано в печать 15.10.2014. Формат издания 60×90 1/16

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4.

Тираж 500 экз.

